

ОХОТА НА ВОЛКОВ

В ясный теплый день 12 мая 1929 года многие граждане Нью-Йорка проснулись в прекрасном настроении. Томас Дьюи, преуспевающий адвокат, выпускник Гарварда и потомок первых переселенцев, день назад отказался от почетного, но хлопотного предложения, а дон Сальваторе Маранзано, известный под кличкой Большой Говорун, с доном Джо Массериа (за глаза его называли Вонючкой) пришли к одинаковому решению.

Оны знали друг друга данным-давно, и каждый с удовольствием украсил бы спую гостиную высушенной головой старого приятеля. Маранзано считал, что Нью-Йорк принадлежит ему, то же самое думал о себе дон Массериа. Один из донов был явно лишним каждые полгода они подсылали друг другу убийц, но оба имели очень хорошую охрану. На сей раз гнев закадычных врагов обратился на нового человека.

Вонючка любил несовершеннолетних блондинок, игру в покер, хорошую итальян-

скую кухню и был приверженцем старых добрых сицилийских традиций: его люди орудовали крупнокалиберными обрезамми, превращающими лица кровавую кашу, а порой и просто ледорубами. Большой Говорун считал себя эстетом: в совершенстве знал латынь в молодости Сальваторе Маранзано собирался стать священником, и подкладку его пиджака украшали латунные медальки с ликами католических святых. В банде Говоруна любили громоздкие автоматы Томпсона, выплевывающие сто нуль в минуту. Оба дона, коренные сицилийцы, считали мафию глубоко национальным делом: человек, с которым они собирались разделаться, па-

Лаки Лучано, формально не замешанного ни в чем противозаконном, притянули к суду по высосанному из пальца делу. Его обвинили в торговле женщинами. Ничем подобным он в жизни не занимался — этот бизнес не доставлял ему удовольствия (Два детектива сопровождают Лучано в Верховный суд Нью-Йорка)

рушил свято соблюдавшуюся веками традицию: порядочные люди не принимали в свои банды евреев и ирландцев, и теперь он должен умереть. Вдобавок ко всему выскочка перешел дорогу обоим почтенным мафиози.

Дону Массерия кучу денег приносили подпольные лотереи, дону Маранза-

но — поставщики контрабандного виски, а мерзавец посмел покуситься на их бизнес. Через несколько дней он должен вернуться в Нью-Йорк, и Вонючка отправил к его дому шестерых головорезов, а Большой Говорун велел своим людям снять квартиру напротив дома любовницы выскочки — у окон при-

строились три метких стрелка. Оба донна пребывали в прекрасном настроении и уже думали о том, какие речи произнесут на похоронах безвременно оставившего друзей талантливого молодого человека. Дон Массерия при этом представлял его лицо, развороченное выстрелом из обреза, а дон Маранзано

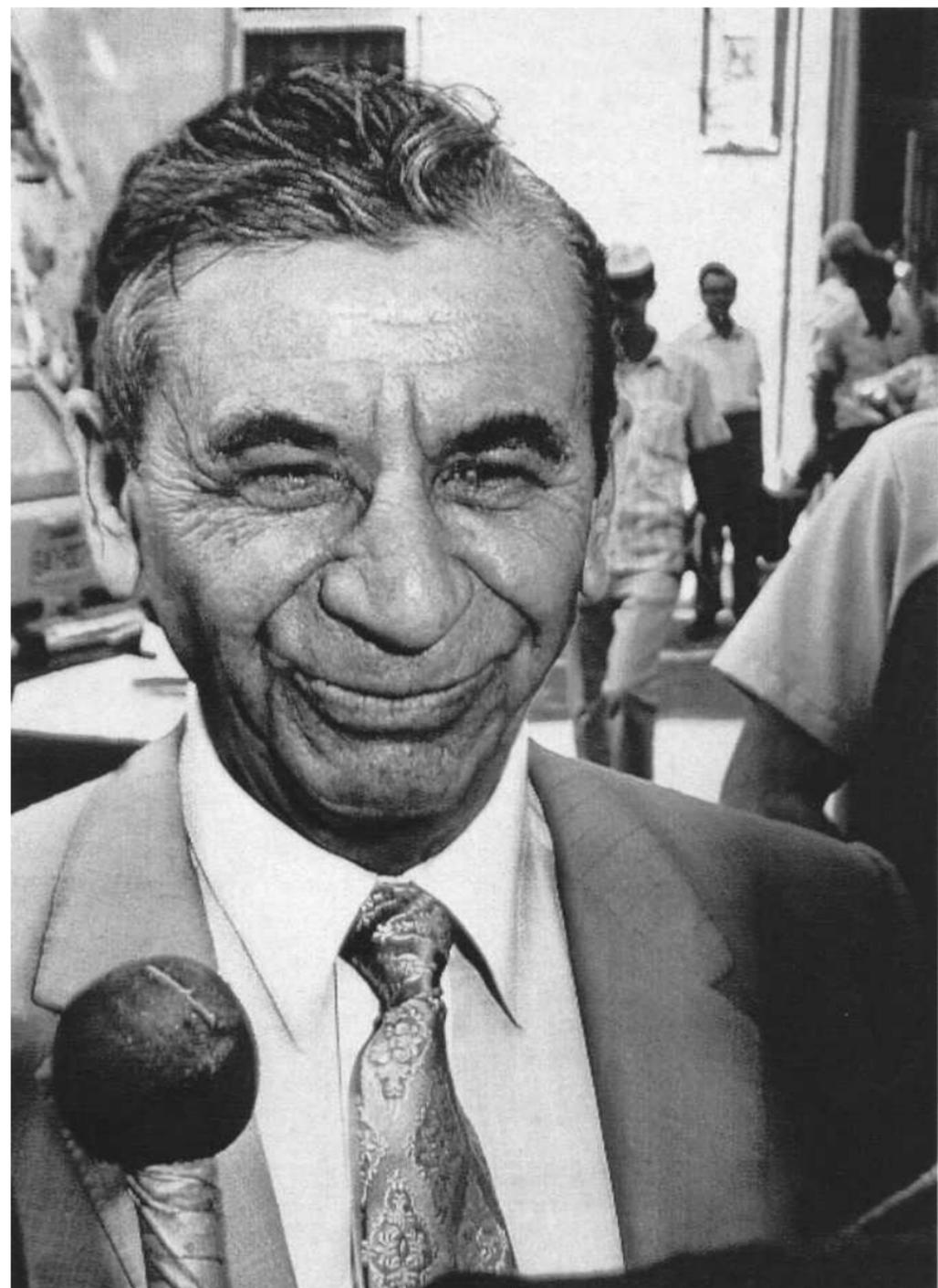
— голову, разнесенную автоматной очередью.

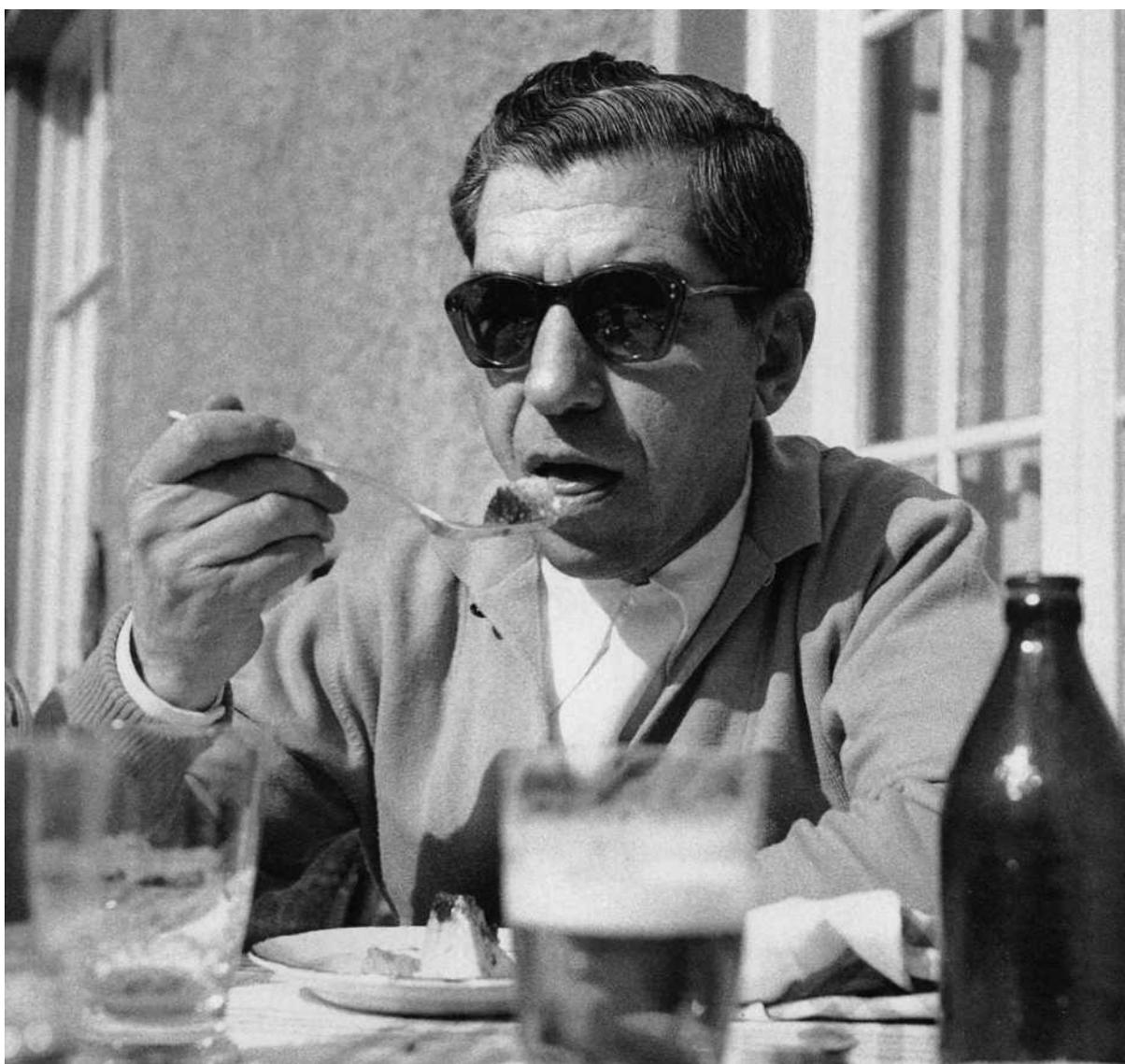
Дон Массерия отправился в свой любимый ресторанчик, заказал лазанью и с аппетитом принялся за нее, пачкая томатным соусом атласный жилет. Дон Ма-

ранзано поднялся в свой кабинет и раскрыл большую бухгалтерскую книгу. Но прежде чем погрузиться в счета за контрабандное спиртное, рэкет и убийства, он по многолетней привычке прочел страничку по-латыни — на этот раз из

«Курки» Говоруна, держа под прицелом окно квартиры, не подозревали, что видят за занавеской не хозяйку, а манекен

Мейер Лански, друг детства Лучано, ведал сложными денежными делами банды. Его называли «мозговым трестом» и «счетной машиной»

Гай Орлова многому научила Лаки: пользоваться ножом и вилкой, одеваться — так чтобы в нем и за милю не почуяли гангстера (Рим, 1949 г.)

Цицерона. На другом конце города не спеша шел в свой офис Томас Дьюи: он тихо насвистывал, радуясь тому, что отказался от поста специального федерального атторнея, расследующего деятельность мафии.

На Двадцатой авеню «курки» дона Маранзано держали под прицелом крыль-

цо и окна соседнего здания, не подозревая, что за кружевными занавесками на втором этаже видят не хозяйку, а манекен, позаимствованный в магазине готового платья. Снимавшая этот домик стройная сероглазая дама с еле заметным славянским акцентом позпрошлой ночью вышла через черный ход, се-

ла в поджидавшую ее машину и умчалась к канадской границе. Она остановилась в маленьком городке, где ей загодя сняли домик, и под присмотром двух смуглых черноволосых молчунов в одинаковых темных костюмах ждала телеграмму. (К слову «Прощай» должен быть приложен билет на пароход до Гавра и деньги, а

фраза «До скорой встречи» означала, что можно возвращаться в Нью-Йорк.)

Женщина ждала, не имея ни малейшего понятия, что все это значит. Те же, кто отдал приказ пристрелить ее друга в Нью-Йорке, были уверены: они все прочитали правильно. Оба дона — Массерия и Маранзано — и предположить не могли, что их судьба решалась совсем в другом городе...

.. День 12 мая 1929 года для управляющего отелем «Президент» был не самым удачным в жизни. Он не первый год руководил лучшим отелем Атлантик-Сити, самого роскошного курорта на Восточном побережье, но никогда еще ему не случалось попадать в такую переделку. Поначалу ничто не предвещало неприятности — позвонили из Нью-Йорка, заказали три этажа с лучшими апартаментами, даже не спросив, во что это обойдется. Мог ли он сказать такому клиенту, что в «Президенте» принимают людей белой расы, предпочтительно протестантского вероисповедания, а евреи, итальянцы и южноамериканцы крайне нежелательны?..

Управляющий вытер со лба пот и еще раз оглядел прибывших гостей. Представители белой расы здесь были в явном меньшинстве, в основном компания состояла из жгучих брюнетов с оливковым цветом кожи. А их огромные сигары, будто приклеенные к толстым губам, а золотые побрякушки на запястьях, а множество сверкающих колец на коротких пальцах!..

Управляющий попытался успокоить гудящую толпу.

— Мы приносим извинения, произошло досадное недоразумение. Все номера в «Президенте» заняты... Я уже звонил... Вот список отелей, где вас примут и где вам будет ничуть не хуже.

Но люди кричали все громче. Обстановка накалялась. И вдруг внезапно наступила тишина. Все головы, как по команде, повернулись к огромным стеклянным дверям. Сквозь прозрачные створки было видно, как к отелю медленно подъехал черный восьмицилиндровый «Кадиллак» — настоящий крейсер на колесах, последняя модель нынешнего 1929 года. Кто-то из прибывших негромко сказал: «Лаки»...

Все расступились. По живому коридору к управляющему медленно подошел

До знакомства с Лучано Гай звали Мэри, и она работала танцовщицей в дешевом борделе. Гай Орлова, 1936 г.

К отелю медленно подъехал черный «Кадиллак». Кто-то негромко сказал: «Лаки», и разом воцарилась тишина

Лаки Лучано на вечеринке. Рим, 1949 г.

невысокий худощавый мужчина. В отличие от остальных одет он был подчеркнуто строго. В одной руке господин держал трость, другой придерживал сидящего на плече кота. Лицо приехавшего

скрывала тень от широких полей шляпы, явно спорившей с модой.

— В чем проблема? — спросил он управляющего.

Тот начал в десятый раз:

— Досадная ошибка, приносим извинения, в других отелях вам будет не хуже...

Мужчина с размаху ударил тростью в пол. Кот при этом пронзительно мяукал.

— Скажите-ка, — вкрадчиво протянул человек с котом на плече, — когда тут последний раз было землетрясение?

— Что? Сэр, здесь, на Восточном побережье, не бывает землетрясений.

— Не было не значит не бывает. Мой Капо, — говоривший погладил кота, — мой Капо чувствует землетрясения за несколько часов. Особенно локальные землетрясения.

— Не понимаю...

— А не худо бы понять, приятель. Локальное — это, так сказать, выборочное землетрясение. Скажем, сегодня ночью от вашего прекрасного отеля останется груда кирпичей, а вокруг все будет целехонько. Ну как?

Последовала долгая пауза. Наконец управляющий произнес, еле шевеля губами:

— Пусть... пусть каждый получит у портье ключи от своих апартаментов и добро пожаловать в «Президент».

— Прекрасно, — сказал человек с котом на плече, — вам следует знать: мы приехали сюда для того, чтобы отпразд-

чала, как водится, поздравили молодых и щедро осыпали их подарками. Потом основательно объевшиеся гости стали снимать пиджаки и расстегивать пояса. Никто не заметил, как зал покинули молодые, а потом и Лучано — каждый говорил свое, и мало кто слушал соседа.

— ...И тут я ему сказал: «Да ты промахнулся, приятель, когда решил стричь траву в моем загоне. Я зубастый парень...»

— Ты заметил? Из Чикаго — никого. А ведь Аль Капоне наверняка выпустили под залог.

— Аль Капоне в тюрьге. Утром сообщили по радио, в новостях. Вчинили неуплату налогов. Вломили одиннадцать лет.

— Мама миа!

— Ну ладно, чикагского быка посадили. Но ведь нью-йоркских донов тоже нет. Ни того, ни другого.

— Ну и черт с ними! Только и знают: «Мафия — это семья сицилийцев, а все прочие — дерьмо». А сами вот-вот другу другу глотки перегрызут: две банды, два

«Скажем, сегодня ночью от вашего прекрасного отеля, приятель, останется груда кирпичей, а вокруг все будет целехонько»

новать свадьбу наших друзей. Во-он там наши молодожены.

«Господи! — подумал управляющий. — Еврейская свадьба, только этого не хватало! Да нет же, это не еврейская свадьба, это какой-то Ноев ковчег. Ирландцы, англичане, итальянцы, евреи — и черт знает кто еще. А дамы, дамы... Под каким красным фонарем их набрали?»

— Все будет хорошо, — словно прочитав его мысли, сказал человек с котом на плече. — Надеюсь, мы не пожалеем, что выбрали именно ваш отель. Прикажете подать в мой номер телячьей печенки и сливок для Капо и вообще позаботьтесь о том, чтобы кот остался доволен.

Сдвинув шляпу на лоб, господин не торопясь отправился вслед за коридорным, тащившим его чемоданы.

Кто-то из гостей восторженно вздохнул:

— Да-а, чертов Лаки Лучано. Вот голова... Всегда знает, как надо действовать.

...Свадебное застолье получилось пышным, долгим и утомительным. Сна-

хозяина, и каждый хочет стать единственным. Это все знают. Лаки прав. Люди с головами на плечах должны работать вместе. А кто откуда и какой веры — личное дело каждого.

— Все-таки боязно. Мафия — это мафия. Сила... Если этот чертов дон чуть не укукошил самого Лаки за то, что тот не стал лизать ему пятки, то уж с любимым из нас...

— Не помирай прежде смерти, парень. Хотя...

Сальваторе Луканиа, он же Чарли Лучано, он же Лаки (Счастличик), сидел на балконе своего номера и, поглаживая кота, смотрел, как багровое солнце не торопясь опускается за горизонт, в океан.

Лучано повернул к себе кошачью мордочку.

— Как думаешь, Капо, выгорит? Комбинация шикарная, все вроде продумано. Но ведь всегда может найтись какая-нибудь мелочь, которая все испортит...

В дверь постучали. Вошел Мейер Лански, новоиспеченный молодожен. Мол-

Когда янки собрались высадиться на Сицилии, Лучано оказался как нельзя кстати: его люди связались с местными братками, и те объяснили итальянским офицерам, что Америка — это тоже мафия, а воевать с мафией вредно для здоровья родных. Лаки Лучано со своими друзьями на Сицилии. 1949 г.

ча налил себе виски и, почесав кота за ухом, уселся рядом с Лучано.

Они были очень разными. Лански маленький, штедушный, глаза такие же черные, как и волосы, огромные уши отпырены.

У Лучано копна гладких темных волос зачесана назад, правильные черты лица.

Правда, это лицо было исполосовано множеством шрамов. Один проходил через левое веко, оттого глаз всегда оставался полужакрытым и казался мертвым. Зато правый глаз был острым, цепким, любопытным, и со стороны казалось, что лицо сидящего на балконе должно

принадлежать двум разным, не похожим друг на друга людям.

Лучано заговорил первым:

— Никак не ожидал, что ты явишься. И как это Анна тебя отпустила?

— Она уже час как плачет. Мне надое-ло, и я сбежал.

— Что-нибудь не так?

— Ты же понимаешь: Анна заявила, что гости, похоже, не посещают синагогу и их поведение на свадьбе — чистое надругательство над Иеговой. А дамы за столом больше похожи на чудом уцелевших обительниц Содомы и Гоморры, чем на законных жен.

— Хм... ничего, обойдется.

— Я тоже так думаю. Понятно: чтобы собрать всех, не привлекая внимания, лучшего предлога, чем свадьба, не найдешь.

— Верно. Опять же на завтра у всех будет железное алиби.

— Значит, завтра?

— Завтра... Завтра кое-что закончится навсегда, а кое-что начнется. Будет великий день, помани мое слово. И хватит об этом! Я суверен.

Они замолчали и еще долго сидели в тишине. Обоим было о чем подумать и что вспомнить.

Банду Лучано окрестили «Молодыми волками», вскоре она костью стала в горле у главарей нью-йоркской мафии

...Нищий район на окраине Нью-Йорка, куда полицейские без особой надобности старались не соваться. Улицы наводнены детьми иммигрантов — маленькими итальянцами, ирландцами, евреями. Они говорят по-английски с чудовищным акцентом, одеты в отрепья, из чересчур коротких штанов торчат грязные исцарапанные лодыжки, стоптанные башмаки то и дело сваливаются с ног. Дети собираются в стаи, в кровь дерутся между собой и сообща лупят маленьких коренных американцев, издавающихся над их одеждой и акцентом.

У многих есть постоянный источник дохода. Все просто — заступись за того, кто послабее, и получи за это несколько центов. У Сальваторе Луканиа самый крупный заработок, он — признанный лидер и на улице, и в школе, куда, впрочем, заглядывает нечасто. С ним считаются. Правда, не все. Маленький тщедушный Мейер Лански с ушами, как у летучей мыши, ухитряется существовать независимо. Когда кто-то пытается его тронуть, он по-волчьи скалит зубы и, вытащив из кармана здоровенный острый осколок, с пронзительным визгом первым бросается на обидчиков. Противники, как правило, отступают.

В один прекрасный день Сальваторе подошел к Лански. Тот тут же выдернул осколок.

— Обожди, — сказал Луканиа, — не визжи. Есть разговор.

— Ну?

— Будешь платить мне пять центов в день — никто к тебе не сунется.

Лански сплюнул сквозь зубы.

— Чеши отсюда.

— Ишь ты... Ладно, готов тебя поддерживать задаром.

— Да иди ты.

— Осторожно! Сзади!

...За спиной у Лански стояли два здоровенных подростка. Один — с бейсбольной битой, другой — с обломком кирпича.

А потом была драка, в которой Лучано и Лански одержали свою первую общую победу. Это и стало началом их дружбы и многолетнего партнерства.

Постепенно вокруг них сплотилось еще несколько подростков. Промышляли рэкетом и мелкими кражами. Потом

Вместо того чтобы закончить дни в тюремной камере, Лаки благодаря войне очень скоро вышел на свободу... (1950 г.)

подростки превратились в мужчин и взялись за дела покрупнее: центы их уличного детства со временем превратились в доллары, потом — в сотни тысяч долларов. Хорошо организованную бестрашную банду окрестили «Молодыми волками», она сделалась известной далеко за пределами Нью-Йорка и стала костью в горле у могущественных главарей сицилийской мафии.

Заправлял «Молодыми волками» Лучано, а рядом всегда был Мейер Лански — ведал сложными денежными делами банды. Его называли «мозговым трестом» и «счетной машиной».

...То, что должно было произойти в ближайшие сутки, они придумали вместе. Но в душную майскую ночь 1929 года об этом действительно не стоило говорить — чтобы не спугнуть удачу. Говорили о другом...

— Ты почему не привез Гай?.. — спросил Лански.

Врачи не понимали, отчего Лаки одолевает слабость. Наконец один произнес «импотенция» и добавил: «помочь ничем не могу»

Лучано ответил не сразу. Гай Орлова, красивая, стройная танцовщица, считалась давней его подругой.

— Почему не привез? Потому, что на нас здесь пялились бы сотни глаз, пока кто-нибудь не сообразил, что к чему.

— Значит?.. — Лански не договорил.

— То-то и оно, что значит. Значит, жизнь продолжается.

Оба замолчали, подумав об одном и том же...

...Весной 1917 года Лучано призвали на военную службу.

— Обхохочешься, — мрачно сказал тогда Лански (его это не коснулось, Мейер был на год моложе). — Америка воюет, и тебя за милую душу укокошат. Это ни к чему ни тебе, ни мне. Будем думать.

И он придумал.

— Лучший способ, — сказал Лански приятелю на другой день, — подхватить хорошую гонорею.

— Что-о?! — заорал Лучано. — Мне не нужна эта гадость! К тому же дело ненадежное: в два месяца вылечат и тут же заарканят.

— Дудки! Есть врач, который будет тебя лечить столько, сколько надо, — до

конца войны. Толковый парень и берет недорого.

Но все обернулось не совсем так, как рассчитывали друзья. Подцепить хворь оказалось проще простого, лечиться до конца войны у толкового парня, который брал недорого, тоже труда не составило. Неприятности начались позже: болезнь ушла, но оставила по себе память. Лучано метался от одного врача к другому, от дешевого к дорогому, но все только руками разводили: никто не мог понять, отчего такого здоровяка одолевает непонятная слабость. Наконец самый дорогой врач произнес страшное слово «импотенция» и добавил: «Ничем не могу помочь».

...— Во-он что! — протянул Лански. — Тогда почему ты ее содержишь?

— По многим причинам. Рядом с мужчиной должна быть женщина, иначе начнутся всякие разговоры, а мне это, сам понимаешь, ни к чему... И по-

том с ней приятно показаться где угодно. Ведет себя... Ну, это надо видеть. Французский знает и еще этот... Русский. Она меня многому научила. Как пользоваться ножом, вилкой. Как одеваться, чтобы в тебе за милую не почуяли гангстера.

— Ну и зачем тебе вся эта морока?

— Не скажи... Бывают такие обстоятельства, когда на тебе галстук благородного оттенка, по-английски ты выражаешься пристойно — и полдела сделано.

— Когда ж такое бывало?

— Не было, так будет... Да и потом Гай славная. Никогда на меня не наезжает, ничего не требует. Поэтому делать ей подarki приятно.

— Но... Но у нее же, наверное, есть любовник.

— Того, о чем никто не догадывается, не существует. Верно?

— Пожалуй... Давно хотел спросить, где ты нашел такое сокровище?

— Не нашел, а подобрал. Почти так же, как Капо. С той разницей, что Капо я вытащил из мусорного бака, а Мэри — из дешевого полубара-полуборделя, где она танцевала.

Вскоре Лаки депортировали, и он перенес свою штаб-квартиру на землю предков. Лаки в Риме на Форуме Муссолини, 1949 г.

...Отдыхающие загорали на пляже, играли в казино, бросали шары в боулинге и ходили по улицам Атлантик-Сити в рубашках с короткими рукавами и белых штанах. Те, кто приехал в отель «Президент», так и не вылезли из двубортных черных костюмов. Стояла тяжелая жара, но в банкетном зале окна были закрыты. Гудели вентиляторы, у запертых дверей дремали дюжие телохранители. Говорил Лучано. Остальные слушали.

— Друзья, мы съехались сюда со всех концов Америки, чтобы, объединившись, начать новую жизнь. Она даст нам больше власти, а значит, и больше денег.

При слове «объединившись» зал загудел. Лучано поднял руку.

— Минуту. Все группы сохранят свою автономию, но каждая должна уважать права и независимость других групп...

Шло время, на улице смеркалось, с моря потянуло свежим ветерком, отдыхающие расположились в ресторанчиках и барах, а заседание в банкетном зале все продолжалось. После долгих дебатов снова заговорил Лучано.

— Итак, мы разобрались с профсоюзами, с шоферами, с торговцами всех мастей, с тотализаторами и всем прочим. Проценты с доходов, которые нам причитаются, определены.

Кто-то в зале перебил оратора:

— Лаки, а самое главное? А спиртное? Сухой закон кормил нас столько лет и еще долго будет кормить. Мы же знаем: закон законом, а люди пили и будут пить. Так что...

Лучано усмехнулся:

— Главное я приберегу под конец. У «Молодых волков» существует фонд, который мы называем «смазочным банком». Фонд немаленький. Так вот, недавно мы выдали одному хорошему парню сто тысяч долларов чистоганом. За новость.

Кто-то в зале присвистнул:

— Это за какую же новость такие бабки?..

— Новость стоящая. Через два месяца сухой закон отменяет!

Кто-то охнул, кто-то взвизгнул. И посыпалась итальянская, еврейская, ирландская ругань. Кто-то басом повторял: «Весь бизнес к черту!» Кто-то верещал на высокой ноте: «Пропали! Пропали! Пропали!»

— Тихо! — крикнул Лучано. — Слушать меня!

«...Сегодня, — донеслось из репродуктора, — убиты главари двух крупнейших группировок — дон Массерия и дон Маранзано»

Неожиданно дверь распахнулась, и в зал вбежал один из телохранителей.

— Ты что, придурок? — прикрикнул на него кто-то. — Куда? Зачем?

— Радио... — выдохнул вбежавший. — Включите радио. Новости.

— ...Сегодня, — донеслось из репродуктора, — убиты главы двух крупнейших сицилийских группировок Нью-Йорка, так называемые доны Массерия и Маранзано. Это двойное убийство привело к массовой резне. Людей убивают в их домах, машинах, на улицах. Полиция оказалась бессильной. По-видимому, столкновение между убитыми и породило это чудовищное кровопролитие. Следите за нашими дальнейшими сообщениями.

— Ужасные новости, — медленно произнес Лучано. — Ужасные. Впрочем, это можно было предвидеть... Что ж, почтим память погибших минутой молчания и перейдем к нашим делам.

И он произнес речь, о которой американские гангстеры вспоминали многие годы спустя. Лучано предложил делать бизнес на игровых автоматах, их тут же внесли в зал и продемонстрировали опешившей аудитории. Делегаты дергали рычаги и ликовали как дети, когда «однорукие бандиты» выплевывали кучи мелочи, — а Лучано рассказывал о том, как предполагает наладить работу: «Это настоящее золотое дно, и мы будем буквально гребсти деньги лопатой!»

Его проводили аплодисментами, — собрание, ко всеобщему удовольствию, закончилось, и гангстеры отправились развлекаться. А Лучано закрылся в своем номере, чтобы дать последние указания перед возвращением в Нью-Йорк.

— Вот что, Лански, мне срочно нужно 150 тысяч из «смазочного банка». За хорошую работу нужно хорошо платить.

— Чарли, 150 тысяч?

— Перестань ты наконец оплакивать каждый доллар, словно потерянного ребенка. Больше нет ни донов, ни их подручных. Никаких акул в тех водах, где мы плаваем.

— Погоди, Чарли... Значит, не только главарей? Всех?

— Всех до одного.

— Ты спятил.

Лицо Лучано стало мертвенно-бледным, шрамы побагровели.

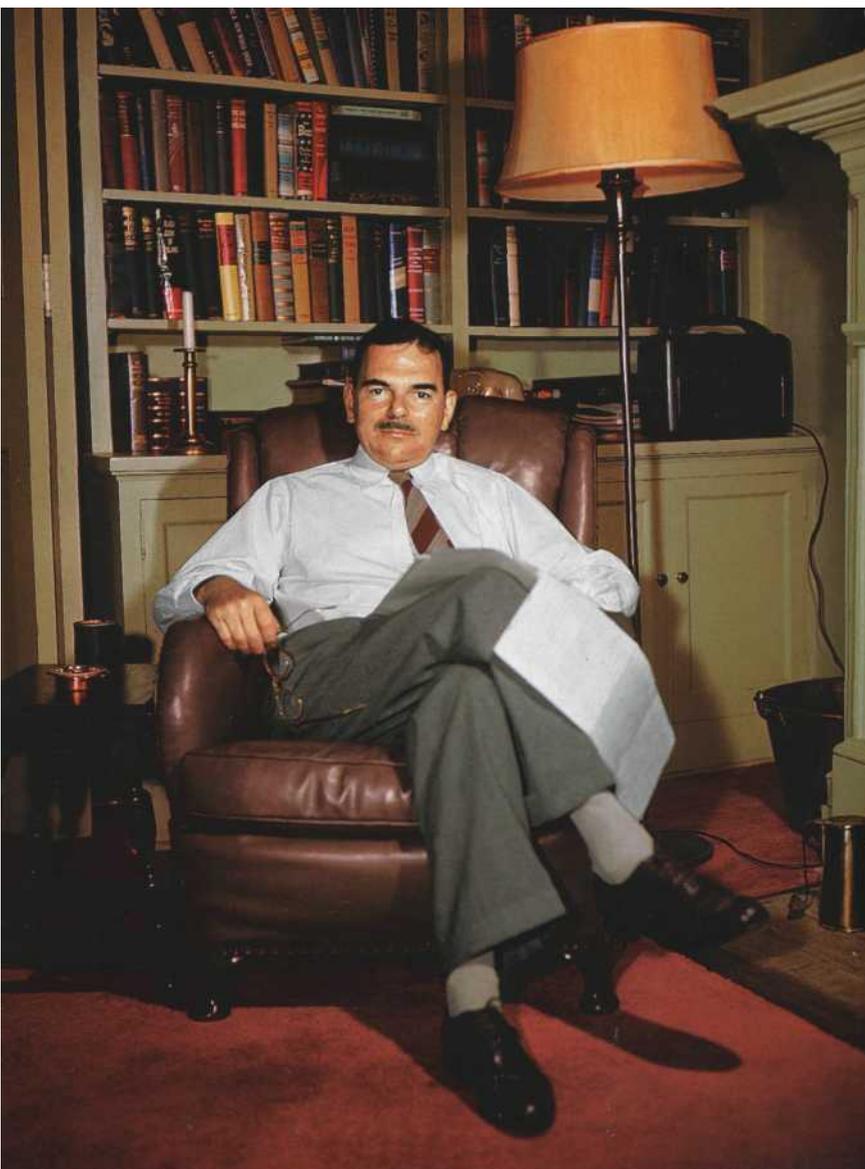
— Спятил, говоришь? С той самой первой нашей драки ты мог бы усвоить: нельзя отпускать недобитого врага, не важно, что у него в руках — кольт или кирпич.

— Ну, я не знаю...

— Не знаешь, потому что не ты висел на крюке у пузатого дона, не твои ребра ломали битой, не о тебя тушили сигареты и не твою физиономию полосовали бритвой. Если бы хоть одного из них мы

сегодня оставили в живых, завтра их участь могла постичь любого из нас. Ты понял? Будем считать, что этих тварей никогда не было. И хватит об этом. Дел невпроворот.

На следующий день сероглазая женщина получила телеграмму. Сначала прочла ее про себя, затем повторила вслух: «До скорой встречи» — и пошла собирать чемодан. Через сутки она вернулась в Нью-Йорк. Сворачивая на Двадцатую авеню, ее

На суде Томас Дьюи потребовал для Лучано максимального тюремного срока — от 30 до 50 лет — по всем 87 пунктам обвинения

«Я получил все, что хотел.
Правда, счастливым меня
это не сделало», — сказал
однажды Лучано (около 1955 г.)

машина проехала мимо невысокого, крепко сбитого человека в сером костюме, размашисто шагавшего по улице. Под мышкой он нес кипу газет. Томас Дьюи, как всегда, шел в свойофиспешком. У входа он тщательно вытер ноги, поздоровался с секретаршей, поднялся в свой кабинет и проштудировал колонки утренних новостей. Затем, придвинув к себе телефон, позвонил генеральному прокурору и сказал, что принимает его предложение.

На первой полосе «Нью-Йорк таймс» красовалось залитое кровью и томатным соусом лицо дона Массерия: убийца пристрелил его в кафе, и босс мафии, мечтавший стать королем преступного мира, умер, уткнувшись в тарелку с ланзней. Дона Маранзано зарезали прямо за рабочим столом, охрана и секретарша исчезли неведомо куда, и газетчики выдвигали свои версии происшедшего — одну безумнее другой.

Томас Дьюи решил, что этому беспределу пора положить конец. К тому же он давно подумывал о политической карьере: пост специального атторнея принесет ему известность, известность можно перечеканить в популярность, дальше можно подумать о посте конгрессмена, а то и... Кто только не становился президентом Соединенных Штатов!

Дьюи раскрыл блокнот и начал расчерчивать страницы — он вписывал имена тех, кто мог бы войти в его команду. Появился и список первоочередных дел, клички возможных организаторов «сицилийской вечери». Лаки Лучано среди них не было.

Месяц проходил за месяцем, в конторе специального атторнея появлялось все больше картонных папок с номерами дел, но пока он так и не понял, что за организация ему противостоит. Дьюи знал: половина городской полиции куплена мафией, но в содержании у нее и большинства нью-йоркских политиков. Новый мэр, желая стать полновластным хозяином в городе, начал свое правление с того, что вызвал шефа полиции и рявкнул: «Арестуйте всех этих мерзавцев! И можете воспользоваться не только законными средствами!» Но Дьюи сильно сомневался в том, что благих пожеланий мэра Фьорелло Лагуардиа достаточно для наведения порядка в городе.

Он беседовал с осведомителями, перечитывал протоколы допросов, собирал ходившие по городу слухи. Информаторы доносили, что теперь преступный мир стал чем-то вроде федеративной республики: спорные вопросы решаются большинством голосов, но за

всеми делами стоит кто-то, до поры не желавший выходить из тени. Наконец он узнал имя — Чарли Лучано.

Томасу Дьюи рассказали, что благодаря этому человеку ликвидации стали строго упорядоченными: кандидатуры рассматривались верховным советом мафии, исполнение поручалось специальной «корпорации убийств», получавшей фиксированную плату и комиссионные с каждой жертвы.

Дьюи знал: организованная преступность взяла под контроль все, что могло принести быстрые и легкие барыши. Гангстеры делали деньги в Голливуде, контролировали игорный бизнес и торговлю готовым платьем, проституцию, профсоюзные кассы, рыбные рынки, похоронные конторы, подпольные лотереи, бокс, лошадиные бега и многое другое. Они финансировали очередные президентские выборы — вкладывали огромные деньги в кандидата от демократической партии Франклина Делано

Напротив имени «Эйби Рильза» Лаки нарисовал пузатую канарейку и вывел цифру 25000... Утром Рильз «выбросился» из окна...

Рузвельта. Специальный атторней уже подумывал о том, что взялся за заведомо безнадежное дело, но прошло немного времени, и все переменялось.

... Лаки Лучано с отвращением посмотрел в окно на серое осеннее небо, темную улицу, семенящих под дождем прохожих и, тяжело опустив на стол кулак, выругал англосаксонскую продажность, американское лицемерие вообще, американскую систему в частности, а также Томаса Дьюи.

Выиграв выборы, президент Рузвельт объявил войну преступности. Дьюи залез в бухгалтерские книги контор Лучано, напустил на него налоговую инспекцию и начал скрупулезно подсчитывать источники мафиозных доходов. К тому же его, формально не замешанного ни в чем противозаконном, притянули к суду по высосанному из пальца делу. Дьюи нашел нескольких обиженных жизнью, за умеренную плату готовых свидетельствовать против кого угодно проституткам и обвинил Лаки в торговле женщинами. Ничем подобным тот в жизни не занимался — этот бизнес никогда не доставлял Лучано удовольствия.

Дело разворачивалось несуетно: Дьюи начал охоту за исполнителями, и у тех потихоньку сдавхти нервы. Он собирал улики против рядовых «курок», по локти перепачканных кровью. Им грозил электрический стул, но гангстерские жены не желали становиться вдовами. Месяц назад в офис Дьюи пришла жена Эйби Рильза, матерого «волка», отлично знавшего всю механику созданного Лаки бизнеса. Лучано был осведомлен, что она просила гарантии безопасности для мужа, и Дьюи их предоставил: Рильз с того времени жил в маленькой гостинице под охраной самых надежных полицейских. Лучший «курок» корпорации убийств запел — на суде он обещал выложить все, что знает о боссах преступного мира.

Лаки задернул занавеску, включил настольную лампу и раскрыл толстую бухгалтерскую книгу. Теперь, когда Дьюи подобрался к нему так близко, он сам вел отчетность, избегая указывать имена. Вместо слов «Эйби Рильз» Лаки нарисовал пу-

затую канарейку, напротив певчей птички четко вывел цифру 25000. Нынешним утром полицейские выбросили Рильза из окна — к подоконнику они привязали обрывок простыни: пусть Дьюи думает, что гангстер передумал и решил удрать к прежним друзьям, да не рассчитал собственного веса... Лаки потер переносицу и улыбнулся: эту партию он выиграл, но Дьюи из кожи вон вылезет, чтобы взять реванш. Специальный атторней копал под всех, и дрогнули даже самые верные люди — на днях Лаки шепнули, что ФБР посулило гарантии безопасности Мейеру Лански: шеф бюро Эдгар Гувер хотел опередить Дьюи. Мейер был проверенным, близким, родным человеком, но собственная шкура не мила только святым... И Лаки вновь придвинул к себе бухгалтерскую книгу — выигранная партия еще не означала победы, на всякий случай надо бы подвести баланс.

Он написал «Гай Орлова»; на нее у Дьюи не могло быть ничего. Подумал, вывел цифру 100, чуть-чуть помедлил — и добавил к ней три нуля. Надо уметь быть благодарным: потом, когда все уяряется, она сумеет его отблагодарить, а

если он влип так, что выкарабкаться уже не удастся, этих денег ей хватит на всю жизнь... Покончив с расчетами, Лаки спрятал тетрадь в сейф, включил радиолу, налил себе немного граппы: впереди много дел, а удача любит тех, кто не думает о дурном.

...Гай Орлова часто вспоминала о том, как в дверь позвонили, и телохранитель Лаки передал ей конверт. Там были чек на сто тысяч долларов, билет до небольшого законопослушного города Парижа в штате Мичиган, имя человека, у которого она могла бы снять дом, и записка: Лаки уверял, что со временем они обязательно встретятся. Женщина расплакалась, потребовала у курьера объяснений, стала набирать все известные ей номера в надежде застать Лучано в офисе или дома... Его нигде не было, и на следующее утро она поступила так, как он ей приказал.

Гай Орлова следила за процессом по делу Лучано по газетам и чуть не умерла,

Лаки дали максимальный срок, но затем с судьей стало что-то происходить: то у него машина взорвется, то загорится дом...

когда узнала, что Дьюи требует максимального срока по всем 87 пунктам обвинения: от 30 до 50 лет. Потом о Лаки стали писать все реже и реже; Гай попробовала добиться свидания, но в тюрьме ей ответили, что заключенный под именем Сальваторе Луканиа здесь не значится. Потом Орлова вышла замуж, развелась, вышла замуж во второй раз. Супруг любезно умер через несколько лет после свадьбы, оставив ей неплохое наследство. После того как закончилась Вторая мировая война, Гай Орлова отправилась путешествовать по Европе: доллар стоил дорого, и тур обещал обойтись ей в сущие пустяки.

Англия была разорена, во Франции получали продукты по карточкам, Италию союзники разбомбили в пух и прах. Ухоженная дама средних лет осмотрела достопримечательности Милана, провела две недели в Риме и в конце концов добралась до Неаполя. Она стояла у лучшего городского отеля (половина фасада обрушилась от взрыва пятисоткилограммовой бомбы, и с улицы был виден вестибюль), размышляя о том, где бы ей пообедать, как вдруг Гай окликнули:

— Привет, сага!

Она обернулась. Сзади стояла длинная блестящая машина, около нее замерли два широкоплечих молодца в черных костюмах, на капот облокотился высокий худой человек в широкополой шляпе с облезлым котом на плече.

— Небось ищешь местечко, где тебе дадут что-нибудь вкусненькое? Поехали, я угощу тебя прекрасным обедом.

Она открыла рот, помолчала, закрыла его и снова открыла, потом села в машину, и через пять минут они уже запивали козий сыр молодым вином и разговаривали.

— Я думала, ты умер...

— А я и вправду умер — для тех, кто знал меня в прежней жизни. Мне, как ты знаешь, дали максимальный срок, но затем с судьей Маккуком стало что-то происходить: то у него машина взорвется, то загорится дом, то еще что-то стряется... Он наведася ко мне в тюрьму, и мы с ним так хорошо поговорили! Знаешь, какое произошло совпадение? У него сразу

все наладилось, и у меня тоже: VIP-камера, спецобслуживание, связи с волей... Я, видишь ли, руководил бизнесом и в тюрьме.

— А мне сказали, что тебя там нет.

— Раньше надо было меня искать, сага. После того как началась война, я стал государственным человеком. Сначала мои ребята организовали забастовку в доках, потом я предложил правительству отыскать заваривших ее шпионов. А когда янки собрались высадиться на Сицилии, я и вовсе пришелся ко двору: мы связались с местными братками, и те помогли демократии. Сицилийские новобранцы разошлись по домам после первых же выстрелов, а итальянским офицерам братки объяснили, что Америка — это мафия, а воевать с мафией вредно для здоровья родных. Вскоре меня депортировали, и я перенес свою штаб-квартиру на землю предков. Что и говорить, мафия — сила... Хочешь телятинки, Капо? Не стесняйся, кушай.

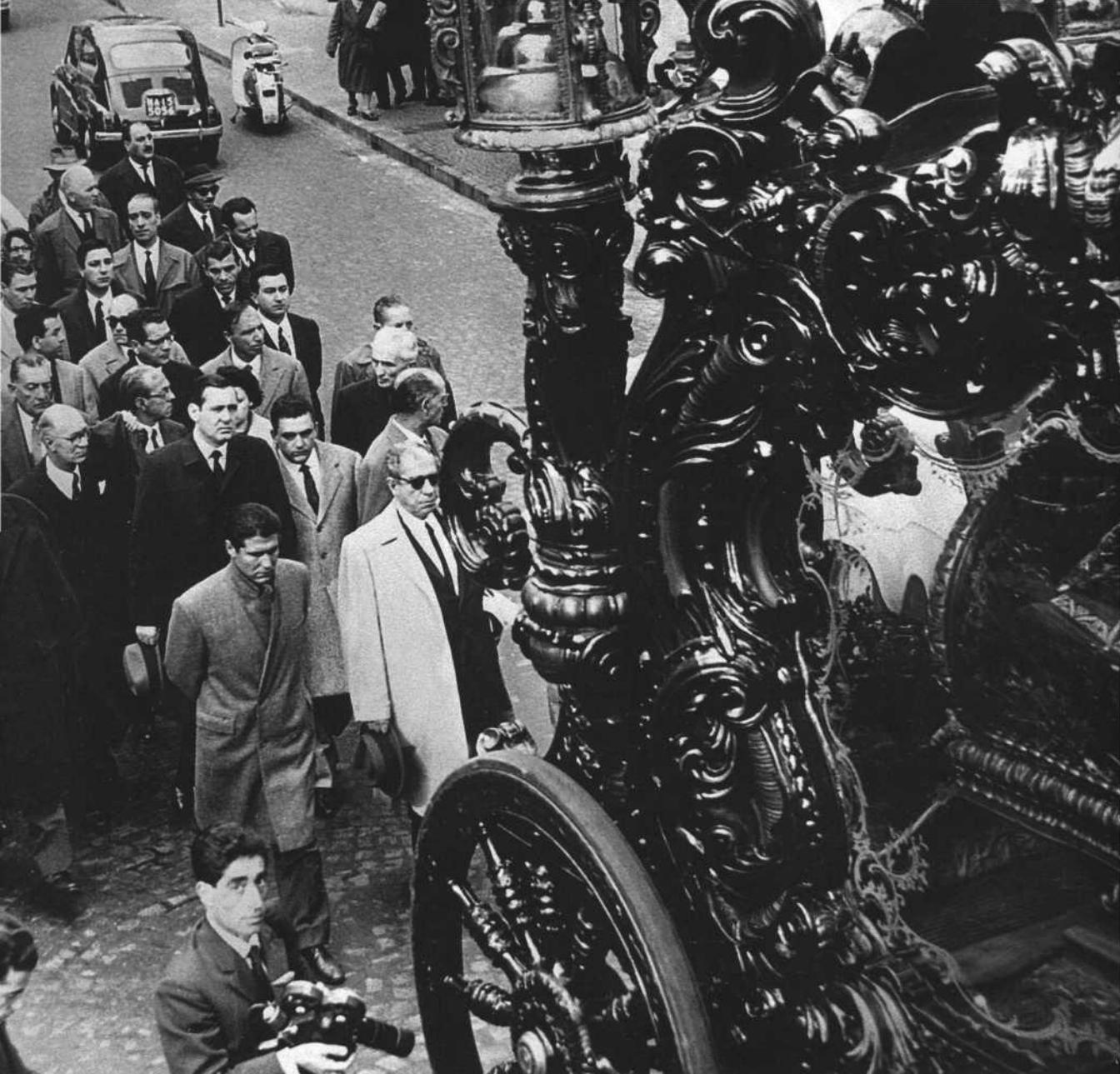
— Скажи, кот тот самый?..

— Конечно, нет. Тот сбежал сразу после моего ареста, как и ты, дорогая. Помнишь Лански? Он тоже меня предал, сдал Эдгару Гуверу. Вот только удачи ему это

не принесло... А Капо номер два я нашел на здешней, итальянской помойке. Каждому свое: кто-то получает женщину (у тебя были прекрасные мужья, поздравляю), кому-то достается тощий кот.

— И только?

— Конечно нет. Я получил все, что хотел. Правда, счастливым меня это не сделало... И убери, пожалуйста, руку. Неужели ты не помнишь, что получалось, когда

Прошло несколько дней, и Гай Орлова в вечернем выпуске новостей услышала, что «крестный отец» итало-американской мафии, известный как Лаки Лучано, скончался от рака на юге Италии... (Похороны Лучано. Неаполь, 1962 г.)

мы пытались быть вместе? Не стоит возвращаться в прошлое, сага, к чему нам друг друга расстраивать...

Они вышли из рестораничка. Хозяин провожал их до дверей, низко кланяясь и не заикаясь о плате. Больше Гай Орло-

ва никогда не видела Лучано: в 1962 году ей пришла открытка с изображением черного кота и обратным итальянским адресом. На ней была надпись: «На память от Сальваторе Луканиа, всю жизнь гулявшего сам по себе».

Прошло несколько дней, и Гай Орлова в вечернем выпуске новостей услышала, что «крестный отец» итало-американской мафии, известный как Лаки Лучано, скончался от рака на юге Италии.

Алекс Макдермотт